

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)“1914/1918”

DOI 10.26456/vthistory/2022.4.022–042

ЗАБЫТЫЕ РЕАЛИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: ФРОНТОВАЯ ОБЫДЕННОСТЬ¹

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор показывает, что фронтовая жизнь русских солдат была далека от газетных описаний. Патриотические настроения неуклонно шли на убыль. Взаимоотношения офицеров и солдат оставались отчужденными. Солдаты периодически испытывали недостаток питания и обмундирования, страдали от болезней. Прогрессировала деморализация как среди солдат, так и среди офицеров. В целом фронтовая действительность продуцировала самые различные формы уклонения солдат от исполнения воинского долга. Процветали мародерство и грабеж, распространились различные виды дезертирства и членовредительства. Современное право оказалось бессильно перед связанными с войной девиациями, которыми столь основательно было отмечено на войне поведение человека традиционного общества. В письмах солдат усиливалась пацифистские настроения и антивоенная тема.

Ключевые слова: *Первая мировая война, русский фронт, солдаты, офицеры, повседневность, заболевания, членовредительство, психические девиации.*

Известно, что реалии всякой войны имеют мало общего с её героическими образами. Что бы ни сочиняли апологеты великих сражений, что бы ни писали о прошлых победах историки, последующее развенчание коллективного убийства неизбежно. Мирное время начинает навязывать навязывает войне иные образы. В последние годы исследователей всё больше привлекает солдатский окопный быт².

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации

² См.: Facing Armageddon: The First World War Experienced. L., 1996; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны; *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. 268–281; и др.

Из чего складывается воинская доблесть (если условно отделить её от профессионализма)? Исторически она формировалась из инстинктивного самопожертвования ради спасения своего социума (рода, племени) или торжества веры. В новейшее время воинский подвиг связывают с чувством гражданского долга. Незрелость последнего, приоритет, отдаваемый «малой родине», лишал воюющую сторону необходимой высоты боевого духа. «Цивилизованные» (социально комфортные) сообщества предпочитают защиту с помощью наемников-профессионалов. В начале XX в. ни одна из воюющих стран не могла себе этого позволить. Была нужна большая *профессиональная* армия, построенная, однако, на основе всеобщей воинской повинности. Эта задача была особенно сложной для сословно разобщённых, культурно неоднородных сообществ.

Накануне войны некоторые специалисты отмечали, что недавние армейские нововведения в России были направлены на улучшение материального положения солдат и офицеров. О моральной стороне их взаимоотношений не особенно задумывались. Дебатировался вопрос, как обращаться к солдату: на «вы» или на «ты». Было решено, что уважительная форма усилит отчуждение между ними. Но правосознание солдат по-прежнему оставалось на низком уровне, что особенно сказывалось на их отношении к дисциплинарным нарушениям. «Солдат не верил в справедливость оценки его деяний и считал обвинительный приговор не заслуженным наказанием, а произволом всеильного начальства», – так свидетельствовал современник. Это заставляло начальников скрывать преступления подчиненных и прибегать к «отеческому» воздействию, т. е. к кулачной расправе³. Высшее начальство иной раз демонстративно проявляло «отеческую» заботу о солдатах в обход младших командиров – это было частью деспотического самодурства.

Армейская иерархия была пронизана архаичными отношениями. В войну ситуация усложнилась. По мере переполнения армии офицерами военного времени (к 1917 г. они составляли 94 % офицерского корпуса⁴) командный состав превратился в «механическую смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк – “постоялый двор”»⁵. Это негативно отразилось на управлении войсками⁶.

Армия, выстроенная на допотопных основаниях, но стремящаяся соответствовать духу времени, должна следовать особым принципам комплектования и функционирования, учитывающим и традицию, и инновационные потребности. Прежде всего, солдат должен чувствовать себя все-

³ Раунах фон Р.Р. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). СПб., 2007. С. 36–37.

⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917 – 1920 гг. М., 1988. С. 27.

⁵ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. М., 1966. С. 164.

⁶ Graf D.M. *Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917. The Political Ramification* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. IVF 22. 1974. S. 390–411.

сторонне защищенным *внутри* воинского коллектива. Не случайно русская армия, состоявшая в основном из бывших крестьян, острее всего реагировала на нехватку продовольствия, хотя питание противника было хуже.

Для человека традиционного сознания уход в армию означал, что он превращался в лицо на «государевой службе». При этом он воспринимал свою участь как фатум, а не гражданскую обязанность⁷. Соответственно, солдатская масса держалась не только армейской дисциплиной, но и верой во власть. Неудивительно, что некоторые «инородцы», лишённые чести быть военнообязанными, видели в этом статусную ущемленность: возможность владения оружием воспринималась как акт высочайшего доверия. Известны случаи, когда не только представители кавказской аристократии, но и крестьяне добровольцами шли на фронт⁸. Служба «белому царю» возвышалась. В Дагестане некоторые публицисты воспринимали запрет службы в армии как дискриминацию⁹.

В искренности добровольческих порывов – не только индивидуальных, но и массовых – вряд ли стоит сомневаться. Молодые люди сознательно или бессознательно стремились вырваться из нудной предопределенности. К тому же в традиционном обществе «служба царю» психологически приближала подданного к власти. При этом над рекрутом висела тень неожиданной смерти, бытийственно выделяя его из числа тех, кто продолжал жить по природно-биологическим законам. Неслучайно призывник мог демонстративно «гулять» на глазах у «понимающей» общины. Поэтому, возмущившись «противоестественным» запретом спиртного во время мобилизации, новобранцы взбунтовались¹⁰. Они требовали уважения к человеку, на плечи которого легла жертвенная повинность. Были при этом не только антипомещичьи выступления, но и попытки погромов еврейского населения: обозначалась готовность поквитаться с «чужими». Но «озорство» обычно заканчивалось, как только рекруты получали обмундирование. Новые знаки заботы вдохновляли бывших крестьян, хотя возникали и болезненные разочарования. Порой новобранцев негде было разместить, не хватало казенного обмундирования. Некоторые рекруты демонстрировали свою униженность: выходили на строевые занятия босиком, выпрашивали у обывателей куски хлеба, уверяя, что «страшно голодны»¹¹. Но больше всего травмировало ощущение бессмысленности происходящего. Позднее

---

⁷ См.: Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893. С. 257–259; Веселовский. К вопросу о воспитании солдата. СПб., 1900. С. 7–9.

⁸ Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии. (1902 – 1920). М., 1997. С. 90–91.

⁹ Дэвис Ф. Первая мировая война как испытание для империи: Мусульмане на службе в царской армии // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 54.

¹⁰ См.: Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23§ Драгуновский Я.Д. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы М., 1989. С. 331.

¹¹ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГА ТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 1920. Л. 395–396 об.

30-летний солдат возмущался: «Зачем меня, отца 5 малолетних детей призвали? 3 года я провел в уездном городе, ничего не делаю, даже не видя винтовки?»¹² Дурно организованная армейская действительность могла основательно покорёжить психику человека традиционного общества.

Конечно, находилось немало людей, романтизирующих войну. Так, одна медсестра отмечала, что молодым холостым солдатам нравится воевать, «вернуться с войны без “знака” они считают чуть ли не позором»¹³. «Дух армии великолепный, даже ополченцы и те просятся в бой... Нельзя описать, как умеют наши солдаты и офицеры... страдать; смотришь: перебитые кости рук и ног, а ни стоны, ни жалобы... Богатырский народ русский!.. У меня сложилось такое представление о бое: поле битвы есть Храм... входящие сюда, идут приносить величайшую из жертв, на которую только и способен человек – положить душу за други своя...». Проснулся сакральный культ отдачи своей крови. «...За весь год войны... хотелось пролить кровь за Царя и Отечество; рана является каким-то вещественным доказательством твоей работы... на защиту престола и России»¹⁴. Но вряд ли ритуально-жертвенного пафоса могло хватить надолго.

Первое время в письмах с войны было заметно упоение победами над противником – это заставляло не замечать потерь. «Я зарубил двух немцев, – с гордостью сообщал корнет-улан в августе 1914 г.». Настроение у него было «очень хорошее», однако он жаловался, что «лошади заморены: ведь наша дивизия воюет уже две недели». Но уже тогда травмировали негативные впечатления: «... Наши солдаты всю дорогу пели песни, но как доехали до Люблина, все равно как языки отнялись. Раненых здесь несколько тысяч, плач, рев, рыдания, крик... Некоторые по три по пяти дней валяются голодными...»¹⁵.

«Раненых везут и везут, – отмечала в дневнике медсестра З.В. Арапова. – Сколько страданий, Господи. И как противно видеть здесь в гостинице весь этот тыл с пьянствующими генералами, [рассчитывающих на] “повышения” и “награды”, с корреспондентами, зарабатывающими тысячные оклады на рассказах офицеров...»¹⁶. Нечто подобное наблюдалось и на Кавказском фронте: в гражданских и военных верхах процветало очковтирательство, в тылу продолжалась «оргия краж», а тем временем пехотный полк потерял от тифа четыре пятых состава¹⁷. Война обостряла социальные болезни империи.

Некоторые солдаты пытались бодриться. «Из полка осталось 200 человек», – сообщал пулеметчик из лейб-гвардии стрелкового полка, однако

¹² Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. II. Берлин, 1923. С. 72.

¹³ Захарова Л. Дневник сестры милосердия. На передовых позициях. 1914–1915 г.г. Пг., 1915. С. 81.

¹⁴ Письма с войны 1914–1917. М., 2015. С. 119–120, 126.

¹⁵ Там же. С. 105.

¹⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 12. К. 1. Д. 7. Л. 94 об.

¹⁷ Минцлов С.Р. Трапезондская эпопея. Дневник. Берлин, [б/г]. С. 197, 218, 228, 229.

потери его не страшили. Через две недели, с приходом пополнения он был готов снова идти в бой: «Прольем нашу кровь за родину и за вас, которые мирно живут и не видят всех ужасов войны». Однако уже в октябре 1914 г. оптимизма поубавилось. «Семеновцы понесли большие потери... от лейб-гвардии Кексгольмского полка осталось всего 125 человек... Пора кончать войну», – сообщал некий кавалерист. Скоро обнаружили случаи самострела среди офицеров. В ноябре 1914 г. один капитан «сам себе выстрелил себе в ногу, дабы не быть убитым». Однако «рана приняла угрожающий оборот», а потому он поспешил обвенчаться с гражданской женой, чтобы она могла получать его пенсию¹⁸.

Тем не менее инерция бодрячества сохранялась. «Два дня тому назад у нас были сильные бои, – писал аноним из лейб-гвардии в конце декабря 1914 г. – Ротами командовали не офицеры, а подпрапорщики. Офицеров выбыло масса... У наших солдат дух хороший»¹⁹.

В начале войны солдаты вроде бы демонстрировали «сознательность». На деле она больше напоминала покорность судьбе: в учебных командах «весельства» не испытывали, отправки на передовую ожидали с опаской²⁰. Ситуацию понимали так: «Немец – серьезный враг. Кормят отлично». Беспокоило лишь то, что «плохо с письмами». «Умру около своего 5-го орудия за Царя и Отечество и за Русь, Святую Веру, – уверял неизвестный нижний чин. – Русский солдат духом не падает никогда». Другой пехотинец сообщал: «...Я жив, здоров и весел. Сегодня прехал на позицию, а завтра пойду бить немцев. Буду проситься в самые опасные места или пан или пропал: одно из двух»²¹. Кровавопролитные бои на Бзуре и Равке комментировали так: «Немцы, видимо, здорово разбили себе нос о наш корпус. Правда, мы понесли большие потери, но они – в десять раз больше». Сообщалось, что «у пленных жалкий вид, далеко не такой нахальный и вызывающий как раньше». Надеялись на пополнение: «Скоро к нам придут 800 000 новобранцев, тогда мы перейдем в решительное наступление... Наш враг очень силен, дерется с упорством, отлично снабжен всеми техническими усовершенствованиями, но мы их победим своим терпением и верою в правоту нашего дела... Вчера у нас пронесся слух, будто Вильгельм убит или умер. Тогда это знаменует новый период в нашей войне – пойдет разлад и неуверенность в действиях германских вождей»²². С другой стороны, отмечалось, что «порой жажда подвига приводила к неоправданным жертвам»²³.

¹⁸ Письма с войны. С. 107, 108, 110–111.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее –ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2135.

²⁰ Последняя война Российской империи в письмах крестьянской семьи (1914 – 1918 гг.). М., 2016. С. 29, 32, 33, 38, 61, 67, 71.

²¹ Письма с войны. С. 111.

²² Бои на Бзуре и Равке (ноября 1914 – январь 1915 года). Перлюстрированные письма, воспоминания, фронтовые корреспонденции. М., 2018. С. 29–30.

²³ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. Белград, 1925. С. 40–44.

Уже в первые месяцы войны были допущены серьёзные просчёты. Так, армейские начальники использовали гвардейские части на самых трудных участках фронта. Когда в некоторых из них обнаруживался избыток унтер-офицеров, командование ставило их в строй рядовыми вместо использования в запасных частях²⁴. В результате за четыре месяца боёв 1914 г. лейб-гвардии Преображенский полк потерял 67 % офицерского состава, а убыль нижних чинов составила 64 %²⁵.

Оборотной стороной униженности низов в мирной жизни стали теперь страсть к разрушению и мародерству. «Пехота ничего не крада... все, что можно, пожирала, как саранча, била посуду, портреты Вильгельма...», – вспоминал молодой офицер. – Я до сих пор не могу объяснить себе страсти солдат к разрушению, обуревавшей их при виде отражения своей собственной физиономии в зеркале». На деле склонность к «дозволенному» разрушению со стороны униженных в прошлой жизни людей объяснима. Можно найти и причины «ненасытного» отношения к продовольствию. «Походные движения... представляли невероятную деморализующую картину: каждая рота отмечала свой путь массой пуха и пера домашней птицы...», – свидетельствовал офицер. – На штыках у солдат можно было видеть пронзенную свиную ляжку или утку». Показательно и отношение к спиртному. В Гольдапе солдаты набросились на пивной завод: «пиво тащили ведрами обыкновенными, ведрами брезентовыми, из которых поят лошадей...». Разгул закончился только с исчерпанием хмельных запасов. Отмечали также, что солдаты охотнее шли в атаку, узнав, что у противника полны фляжки спиртным. Со временем стремление «зашибить дрозда» (напиться до потери сознания) приобрело навязчивый характер. Случалось, что после захвата спиртных заводов десятки солдат перепивались до смерти (см.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 59.).

Окопный быт русского солдата был непригляден. Бывшие крестьяне не понимали, зачем окапываться, укреплять траншеи, сооружать основательные землянки ради такого «непроизводительного» занятия, как война. Позиционной войны они вообще не понимали. Основательные окопы и благоустроенные блиндажи противника их и изумляли, и раздражали²⁶. Туалетов в современном смысле слова крестьяне-солдаты не признавали – для начальства это выливалось в малоприятную проблему.

С чем всё это было связано? Чем отличался русский солдат от навязанных ему противников? Очевидно, чертами, связанными с традицией власти-подчинения, крестьянской архаикой и её этнорегиональными вариациями.

На восприятии солдата образованными людьми сказывались, с одной стороны, пережитки барства, с другой – остаточное интеллигентское

²⁴ См.: *Ходнев Д.* Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и гражданской войнах (1914–1920 гг.). Белград. 1932. С. 32; *Зайцов А.* Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936. С. 6.

²⁵ *Андоленко С. Л.*-гв. Преображенский полк в Великую войну. Б.м., б.д. С. 5.

²⁶ *Розенфельд С.Е.* Гибель. Л., 1932. С. 133.

«народолюбие». Характерно, что представители образованного общества склонны были подчёркивать терпеливость и неприхотливость нижних чинов. К примеру, из действующей армии в конце ноября 1914 г. сообщали: «... Другого такого солдата, как русский, нет ни в одной стране... Все лишения, все трудности походной военной жизни, которые приходится переносить солдатам всех стран – пустяки для наших солдат». Но при этом указывалось на «хамское» к нему отношение со стороны начальства, высказывалось удивление, связанное с возмущением: «Наши солдаты идут в окопы, в бой неунывающие, без всякой злобы к этой сволочи, их ведущей, без ясного сознания, куда и зачем их ведут»²⁷. Как долго могло сохраняться такое положение?

Можно допустить, что русский солдат более стойко, нежели «немец», переносил военные лишения: к суровости жизненных условий ему было не привыкать. Несомненно, он был способен на коллективный героический порыв: для человека, привыкшего к страдной общинной жизнедеятельности, «на миру и смерть была красна». Вместе с тем в литературе военных лет постоянно подчёркивалась и редкостная доброжелательность русского солдата по отношению к пленным. Можно согласиться с подобными наблюдениями, учитывая, что в России, в отличие от Германии, шовинистическая пропаганда до крестьян не доходила. Но усиливало ли это армию?

Морально-психологическая подготовка солдат в России была поставлена неважно. Неслучайно корпусной врач, прошедший русско-японскую войну, в августе 1914 г. отмечал, что российское командование по-прежнему «плохо учитывает психику сражающихся и преобладающее значение моральных сил над материальными»²⁸. Как бы то ни было, вдохновлять солдат на подвиги оказалось некому. Особых семинарий для подготовки военных священников не существовало. Правда, армейские батюшки материально обеспечивались намного лучше, чем их приходские коллеги²⁹, что и обуславливало приток в армию наиболее энергичных выпускников семинарий. Но офицеры, не отягощённые избыточной религиозностью, относились к «божьему воинству» высокомерно и не без иронии, что, разумеется, замечалось солдатами. Так или иначе, из действующей армии сообщали (декабрь 1914 г.), что «той ненависти к германцам, которая питается вами в России, мы в армии не испытываем и не наблюдаем». При этом «желание бить их получается какое-то спортивное, т.е. получается просто боевое соревнование»: «без нужды не стреляем друг в друга». Притом отмечалось, что «в атаках убиваем много немцев, так как с пленными возиться некогда»³⁰. Расска-

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 29, 30.

²⁸ *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2016. С. 33.

²⁹ *Фирсов С.Л.* Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий) // *Новый часовой.* 1994. № 2. С. 20–23.

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2153.

зывали, что «между нашими солдатами есть такие отчаянные, что со смехом и бранью идут в штыковую атаку, поражая налево и направо штыком и прикладом»³¹. А.Е. Снесарев приводил примеры (июнь 1915 г.) хитрости и находчивости солдат, безрассудной отваги юных прапорщиков, с одной стороны, и нервных расстройств у отдельных штаб-офицеров под влиянием смертей от тяжёлых снарядов – с другой³².

Будни войны воспринимались по-разному. В начале 1915 г. писали: «Не знаю, можно ли на войне уверовать в Бога, но в Сатану поверить можно... В Москве вряд ли будет понятно то настроение апатии и протеста против войны, которое здесь господствует»³³. Поручик 19 Костромского пехотного полка Ф.И. Белоусов (отнюдь не пессимист) сообщал родителям: «Если меня ранят еще раз и так же легко, то я буду счастливейший человек, ибо есть такой приказ, по которому гг. офицеры раненые трижды в действующую армию возвращаются только по их желанию...». А 14 декабря 1915 г. перед своей гибелью он писал: «Просто не верится, что скоро Рождество. У немцев уже праздник вовсю – пьянствуют и орут в окопах, словно шабаш жидовский справляют...»³⁴.

Патриотизм и героизм был уделом немногих – молодых, образованных, романтичных. Для человека традиционного общества воинская дисциплина казалась чем-то иррациональным. Отсюда столь частые уходы в «самоволку» и дезертирство. Солдат не понимал, почему нельзя «погулять» – отлучка в свободное от воинских обязанностей время казалась заслуженным отдыхом. Такие «мягкие» формы дезертирства начинались ещё при перевозке рекрутов, причём будущие защитники Отечества отнюдь не считали, что совершают воинское преступление. Позднее распространились опоздания с возвращением в часть, «бродяжничество» (имитация потери своей части). Некоторые солдаты самовольно возвращались из лазаретов в «свой» полк, другие якобы не могли найти предписанную часть и «болтались» в ближнем тылу³⁵. Все эти категории «сознательных», «несознательных», «заблудившихся» лиц объявлялись дезертирами. Считалось, что к марту 1917 г. их численность составила 1–1,5 млн человек³⁶.

Попытки борьбы с дезертирством правовыми методами не давали желаемого результата, хотя меры наказания казались устрашающими: первый побег из района боевых действий – до 5 лет в арестантских исправительных отделениях, второй – каторга до 20 лет, третий – смертная казнь. На деле командиры скрывали «отлучившихся» из нежелания попасть под критику начальства или в связи с нехваткой людей в строю. В немалой степени де-

³¹ Бои на Бзуре и Равке. С. 44.

³² Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914–1917. М., 2012. С. 170–172, 176.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 28.

³⁴ Иркутские епархиальные ведомости. 1917. 1917. № 4. 15 февраля. С. 149; № 7–8. 1–15 апреля. С. 257.

³⁵ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. С. 185.

³⁶ Подробнее см.: Астахов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.

зертирству способствовала дезорганизация железнодорожного движения. Всё это сказывалось на боеспособности армии в целом. По мнению генерала М.В. Алексеева, не было смысла заниматься классификацией дезертирства ради соблюдения буквы закона при определении меры наказания. Он предлагал введение бессрочной каторги и смертной казни за умышленное оставление службы как в районе ТВД, так и вне его. Однако доказать наличие преступного умысла было непросто. Поначалу задержанием дезертиров должна была заниматься железнодорожная жандармерия; её действия оказались неэффективными. С ноября 1915 г. практиковалось введение военно-полицейских команд при полках, артбригадах, штабах, дивизионных обозах, этапных пунктах. Однако и эти меры не давали нужного результата. Особую трудность составляли поиски дезертиров в сельской местности. С октября 1916 г. дезертиров стали зачислять в запасные батальоны, располагавшиеся в городах. Но там участились случаи бунтарства³⁷. В конечно счёте это обернулось событиями конца февраля 1917 г. в столице.

Особое значение для воюющей армии имело осознание «высокого» смысла войны. На Западе проблема решалась с помощью пропаганды шовинизма. В России было сложнее. Но если война лишалась ценностного содержания, то она могла превратиться в разновидность грабежа. Неслучайно бывшие крестьяне охотно воевали, если им перепало кое-что из трофеев. Они охотнее шли в атаку, узнав, что у противника фляжки наполнены спиртным. Поначалу это было связано со стремлением хватить запретного³⁸. Со временем желание напиться до потери сознания стало приобретать навязчиво-патологический характер. Случаи, когда после захвата спиртных заводов десятки солдат напивались до смерти, становились широко известны³⁹. Потребность в релаксации от «непонятной» войны усиливалась.

Ожидаемая «война машин» обернулась для низов войной надорванной психики и средневекового разбоя. В августе 1914 г. В.П. Кравков признавал, что «наши мародерствуют больше, чем австрийцы». Приводился характерный пример. Некий псаломщик урезонивал солдат-грабителей: «Ведь я русский – ну грабьте у поляков да у жидов, а у меня грешно вам!» Кравков объяснял всё это «невежеством и непросвещенностью нашего солдата, не дающего себе отчет в осмысливании того, что делает». Стоит отметить и другое: псаломщик готов был простить «христианскому» воинству его недостойное поведение, будь оно направлено против «чужих». Конечно, русский солдат не был грабителем по призванию. Просто он по-другому понимал войну. Кравков наблюдал такую картину: казак дружелюбно беседовал с пленным австрийцем, при этом они «посменно курили

---

³⁷ Астахов А.Б. Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 года) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 59–61.

³⁸ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 143.

³⁹ Моргачев Д.И. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. С. 250–251.

одну и ту же сигару»⁴⁰. Война сблизила крайности – милосердие и жестокость, доблесть и разбой. Отмечали «удивительную страсть казаков к разрушению»: в усадьбах, в которых они побывали, «было разрушено и изрублено буквально все»⁴¹. «Нет сил бороться с мародерством и растущим в войсках инстинктом бессмысленных разрушений», – писали из армии в сентябре 1914 г. Сообщали, что казаки убивают пленных и «на грабеж они тоже мастера и их невозможно убедить, что делать этого нельзя». К этому добавляли, что на мародерство «начальство смотрит сквозь пальцы, да многие и сами не прочь припрятать хороших вещей»⁴².

В известном смысле обычай мародёрства и грабежа был выработан столетиями всевозможных войн. Немецкие офицеры признавали, что в Восточной Пруссии отступающие германские части также мародёрствовали и грабили винные погреба⁴³. Считалось, что «немецкие мародеры со своих же раненых и убитых сапоги стаскивают, часы снимают»⁴⁴. Такова была оборотная сторона военной доблести. Вопрос в том, какая армия успешнее боролась с этим пороком. «Патриотичные» журналисты, конечно, списывали бесчинства на неприятеля. Нововременский репортер А. Ксюнин сообщал, что австрийцы разграбили «исторический охотничий замок» Любомирских: «Обдирали гобелены, срывали со стен старинное оружие, засовывали в карманы статуэтки... а что не умещалось – рвали и бросали на пол... Истоптанные грязными каблуками, валялись обрывки грамот польских королей, послания пап... Точно отступавшие хотели засвидетельствовать: “Любуйтесь, какие мы варвары”»⁴⁵. Похоже, что автором – известным поставщиком сенсаций – двигало желание переложить вину с больной головы на здоровую. Между тем в октябре 1914 г. из действующей армии сообщали: «Наш дикий солдат, когда начнет разрушать, то не оставит камня на камне. Рубит мягкую мебель, отыскивая деньги. Всюду вывороченные комоды, шкафы, буфеты...»⁴⁶.

Патриотическую печать особенно вдохновляли взаимоотношения солдат и офицеров. Нижние чины якобы уверяли: «У нас господа офицеры завсегда впереди... Все герои. О себе не заботятся, а только бы солдату было хорошо»⁴⁷. Если что-то подобное и наблюдалось, то лишь в первые дни войны. В 1915 г. замечали другое. «Интересна эволюция казачества. Во что выродились “казачьи батьки” и кошевые, – записывал в дневнике юный корнет. – Фон [В.Ф.] Эксте лощеный, за ним возят всюду гуттаперчевую ванну, желтые гетры... Дикого вида ятаган – обычное оружие штабных и

⁴⁰ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 38–39.

⁴¹ Успенский А.А. На войне. В плену. Воспоминания. СПб., 2014. С. 56.

⁴² Письма с войны. С. 336.

⁴³ Постников Н.Д. Драма в Восточной Пруссии. Судьба 1-й русской армии генерала Ренненкампафа. М., 2014. С. 86.

⁴⁴ Захарова Л. Дневник сестры милосердия. С. 127.

⁴⁵ Ксюнин А.И. Народ на войне. Пг., 1916. С. 30–31.

⁴⁶ Письма с войны. С. 341.

⁴⁷ Журнал «Война». Пг., 1914. № 10. С. 13.

салонных героев. Трусость и хвастливость. “Распустить знамя – я веду казаков к победе”»⁴⁸.

Среди кадрового офицерства заигрывание с нижними чинами считалось предосудительным⁴⁹. Судя по солдатским воспоминаниям, офицеры так или иначе развращали нижних чинов своим поведением⁵⁰. В офицерах замечали паническую боязнь высшего начальства, безынициативность, нерешительность, а также такие склонности, как казнокрадство, шкурничество, карьеризм, пьянство и разврат⁵¹. Развернулась погоня за чинами. Один из офицеров вспоминал: «Частенько приходилось становиться в тупик при виде 22-х летнего полковника»⁵². С.И. Вавилов в сентябре 1914 г. отмечал: «... Эти самые интендантики и адъютантики... кажется, просто вши и блохи, от которых кроме зуда никакого толку. Вертятся они тут на каблуках, хорошо кушают, сплетничают насчет Георгиев, ругаются: впрочем, они почти необходимы...»⁵³.

Неудивительно, что официальная пропаганда становилась источником раздражения. «Как только попадаете нам московская или петроградская газета, мы зеленеем от злости, читая бумажно-патриотические статьи против заключения мира... А между тем армия вся целиком... горит желанием замиритись и рвется домой. Это касается и солдат, и офицеров, – так писал в ноябре 1914 г. старший врач пехотного полка. – ... Воевать желают только в Москве и Петрограде, да различные герои тыла...». Правда, автор данного письма пока соглашался «терпеть»⁵⁴.

Некоторые генералы занимались откровенной показухой, заискивали перед вышестоящим начальством, «били морду» солдатам и отнюдь не дорожили их жизнями⁵⁵. Унтер-офицерская прослойка так и не сыграла роли связующего звена между нижними и высшими чинами. Уже в августе 1914 г. военный врач сообщал об армейской «кошмарной действительности, превзошедшей организационным развалом, моральной растрепанностью

---

⁴⁸ Потехин М.С. Дневник корнета Потехина // Дневники Великой войны. Воспоминания, дневники, письма о Первой мировой. М., 2022. С. 195.

⁴⁹ Бурский П.Д. Революция и офицеры. М., 1917. С. 2.

⁵⁰ См.: Оськин Д. Записки солдата. М., 1929. С. 35, 45–46, 71, 94–95, 119, 127–129, 138, 143–144, 148–149, 164–168, 229; Пирейко А.М. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 40, 55; Ершов С.Ф. Страницы прошлого. Воспоминания старого солдата. Л., 1962. С. 162, 169–170.

⁵¹ См.: Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Т. 14. С. 39; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 435–436.

⁵² Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. С. 173.

⁵³ «Война стала противна, исчезло всякое представление о ее нужности». Из военных дневников С.И. Вавилова. 1914–1916 гг. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 15–16.

⁵⁴ Письма с войны. С. 635.

⁵⁵ Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999. С. 51.

и умственным отупением высшего командного состава» то, что довелось ему видеть в русско-японскую войну. Своим поведением иные офицеры «гасили высокий дух войск»⁵⁶. Приводил он и примеры вздорного генеральского поведения: «Начальник штаба – полуумный Федяй, вернее “Балдяй”, говорит нелепые вещи, делает противоречивые приказания своим подчиненным». Он любил лишь «побольше и повкуснее пожрать, да попросторнее и пошикарнее занять для себя помещение» (Судя по всему, генерал-майор Л.В. Федяй (1859 г.р.) принадлежал к тому нередкому типу «старого» генерала, которому было все равно, где дослуживать: в августе 1914 г. он был отчислен в резерв, в 1917 г. возглавлял комиссию по «украинизации» войск Юго-Западного фронта, с апреля 1918 г. состоял в армии Украинской державы П.П. Скоропадского, в декабре 1918 г. выехал на Дон, где был зачислен в резерв Вооруженных сил Юга России.)⁵⁷. Других очевидцев раздражала «подлость наших офицеров, которые пьют коньяк, занимаются с барышнями, плюс к этому берут автомобиль и заставляют нижнего чина везти их...»⁵⁸. Автомобили порой именовали «сестроркатами»⁵⁹. Сами сестры признавали, что, в отличие от русско-японской войны, теперь в их адрес было произнесено много дерзостей и гадостей⁶⁰. Некоторые из них бросали «нудную» работу в тыловых лазаретах и добровольно отправлялись на фронт, где работали водителями на грузовиках⁶¹.

Большинство сестёр милосердия стойко выполняло свой долг. Этому мужское окружение не хотело верить: смещение социальных ролей всегда вызывает моральную подозрительность. В таких условиях нервозность сестёр доходила до истерик и приступов неврастения. Случаев самоубийств среди сестер было на порядок больше, чем у санитаров⁶². Навязываемый пропагандой трогательный образ сестры милосердия был далек от действительности⁶³.

Поведение участников войны обычно формируется на фоне ожиданий – от непредсказуемой смерти до возвращения домой. Состояние перманентной неопределенности они стараются перебить не только песнями, шутками, застольем, но и острыми ощущениями. Результат – громадное количество немотивированных неправомерных действий, особенно среди молодёжи. Исследователи отмечают, что эта самая значительная возрастная

⁵⁶ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 2, 33.

⁵⁷ Там же. С. 24.

⁵⁸ Письма с войны. С. 545.

⁵⁹ Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 91.

⁶⁰ Срибная А.В. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М., 2015. С. 148.

⁶¹ Глафинова В.В., Селунская Е.А. Предисловие // Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь, 2014. С. 18.

⁶² См.: Астахов А.Б. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 124.

⁶³ См.: Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России. Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014.

прослойка привнесла в армию элементы деревенского хулиганства⁶⁴ (которое подчас трансформировалось в демонстративное боевое «молодечество»). Эта возрастная агрессивность часто оборачивалась против мирного населения, не только «чужого», но и «своего». В общем, налицо были симптомы спонтанного «русского бунта», над чем приходилось основательно задумываться отечественным психиатрам⁶⁵.

Обнаруживалось также специфическое отношение к собственности. В тылу множились случаи расхищения обмундирования. В декабре 1914 г. в Пензе был разворован и подожжён склад солдатского обмундирования. Солдаты-драгуны ухитрились продать «налево», помимо прочего, 9 мундиров и 450 пар дефицитных сапог поставщику провианта для войск местного гарнизона. В январе 1915 г. покупалась и распродалась одежда умерших в 1915 г. военнопленных турок⁶⁶.

Следует отметить, что увиденное солдатами на оккупированных территориях существенно расходилось с представлениями, навязанными пропагандой. Один из офицеров в декабре 1914 г. приводил такой солдатский разговор: «А если Вильгельм возьмет Польшу – так что же из этого следует. А то, что через несколько нашей Польши не узнаешь. Смотри, как “под Вильгельмом” живут. Разве где-нибудь у нас в Польше или России найдешь таких крестьян. ... Они ведь как помещики... Потому... не беда, если немец все завоюет: ... житья будет не хуже, а скорее – лучше»⁶⁷.

Разумеется, верхи такого не замечали. Храбрый и добрый российский воин противопоставлялся злобному и пьяному немецкому солдату. Уверяли, что немцы без водки «с нами драться не решаются». Напротив, о русском солдате писали: «... надев чистую рубашку и помолясь Богу с трезвым умом и светлым сердцем идет он на битву». Приводились и «реалистические» рассказы: «... В одном из приграничных русских городов еврей-шинкарь открыл торговлю водкой и пивом. Пьяницы, конечно, нашлись и напились». Но другие солдаты тут же пресекли это безобразие. Заодно сообщалось, что в немецких городах на пороге гостиниц жители оставляли бутылки с пивом и вином, но русские воины, предупрежденные о возможности отравления, бутылки разбивали⁶⁸.

Вопреки пропаганде, уже в 1914 г. признавалось, что «армия наша страшно нуждается материально: сапоги у большинства рваные, белья не

---

⁶⁴ См.: *Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905 – 1914 // Slavic Review. 1978. Vol. 37. P. 228–240; Frank S.P. Crime, Cultural Conflict and Justice in Rural Russia, 1856 – 1914. Berkeley, 1999.*

⁶⁵ См.: *Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в 1911–1916 г.г. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1–4; Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927.*

⁶⁶ *Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза, 2015. С. 151–152.*

⁶⁷ Цит. по: *Аксенов В.Б. Иррационализация массового сознания обывателей в 1914–1916 гг. как кризис информационной политики земства и государства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 1. С. 7.*

⁶⁸ *Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. Октябрь – ноябрь. С. 303–304, 329, 332.*

имеют, хлеб выдают редко, 2 раза в неделю, чаще же – один раз...»⁶⁹. В Совете министров подтверждали: «В армии нет сапог». Сухомлинов, однако, уверял: «Дело раздуто. Армия не разута»⁷⁰. В связи с подобными явлениями трудно было ожидать от солдат стойкости и готовности к самопожертвованию.

Пресса не уставала подчёркивать гуманность отношения солдат к пленным. На деле бывший крестьянин просто «не дозрел» до городской этнофобии. Поэтому за пределами боевой обстановки противник превращался для него в такое же подневольное существо, как он сам: его можно было и пожалеть. Таких фактов было немало⁷¹.

Скоро в солдатской массе обнаружались характерные пороки. Так, в Восточной Пруссии солдаты охранных рот и других частей при штабе Ренненкампафа начали отлучаться в городок Эйдкунен, где «отыскивали винные погреба, проникали в них и напивались». Более того, в свои части они «возвращались с бутылками и спаивали других». К винным погребам были приставлены караулы, но порой и караульные «лежали замертво». Ренненкамampf приказал расстрелять без суда двух унтер-офицеров из охранной роты, напившихся пьяными во время несения караульной службы. Писали, что «приказ был приведен в исполнение, в присутствии всех частей, бывших при штабе, – и пьянство сразу прекратилось»⁷². Трудно сказать, насколько описанный случай соответствовал реалиям. В обстановке небывалой войны людская фантазия громоздила небылицы вокруг масштабных фигур и острых проблем. Из армии писали: «Чтобы как-нибудь разнообразить свою жизнь стараемся всегда и всюду достать чего-нибудь достойного для возлияния бахуса... Дня три тому назад мы достали какой-то смолы и дризнули что называется. В результате сильнейшая боль в течении двух дней»⁷³. Стоит заметить, что уже в октябре 1914 г. на экранах появился фильм «Безумие пьянства (Злая отравка)».

Случалось, что солдаты с гордостью писали, что «отбили» много водки и рому, а на отдыхе «пьянствовали трое суток». Но чаще приходилось довольствоваться суррогатами: «... Спирту не было, так выпил денатурату за праздники две бутылки, нам дают его для машины, а мы отправили в человеческий организм, а не в машину, алкоголя стерва воняла, аж теперь пахнет чудным запахом». Что касается офицеров, то они порой устраивали настоящие пьяные оргии и «античные вечера», во время которых крушили все подряд. Некоторые напивались до белой горячки, другие

⁶⁹ Бои на Бзуре и Равке. С. 18.

⁷⁰ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 108–109.

⁷¹ *Снесарев А.Е.* Письма с фронта. С. 154,

⁷² *Ишеев П.П.* кн. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959. Нью-Йорк [Б/и], [Б/г.] С. 98.

⁷³ Письма с войны. С. 364.

стреляли в себя⁷⁴. Пьянство сопровождалось карточной игрой. При этом, как сообщал один прапорщик в ноябре 1915 г. из-под Варшавы, на каждой попойке «присутствуют и выпивают заодно» местные женщины, занятые на строительстве окопов, – как «офицерские», так «солдатские». «Есть прямо писанные красавицы, как вообще все польки»⁷⁵, – уверял он. Но такого рода развлечения не могли рассеять духа уныния, всё основательнее охватывающего комбатантов. Солдаты вели себя соответственно: в брошенных имениях крушили всё подряд, портьеры использовали на портянки, иной раз надевали дамское белье⁷⁶.

На этом фоне военная доблесть российских солдат выглядела как своего рода «героизм отчаяния». Согласно германским источникам, отступление русских осуществлялось планомерно; в ряде случаев они демонстрировали выдающийся героизм⁷⁷. Но наблюдались и явления иного характера. «Мы все ожидаем мира.., – писал в деревню один солдат. – ...А у нас все говорят солдаты, что мир из Петербурга везут на быках и наверно еще долго не довезут до нас на позиции»⁷⁸.

Войны обостряют эпидемическую обстановку. Уже в декабре 1914 г. обнаружили случаи заболевания малярией, на Северо-Западном фронте вспыхнула эпидемия тифа и холеры. Сказывались несвоевременная и неудовлетворительная доставка горячей пищи, некачественное питание, нехватка бань, отсутствие дезинфекции окопов при смене частей. Летом 1915 г. вблизи линии фронта скопилось множество вагонов с гниющими продуктами.

Наименее вдохновляющую изнанку войны составляло членовредительство. Общая статистика этого вида преступлений отсутствует, однако отрывочные данные свидетельствуют о его распространенности. Так, в 323-м полевом запасном госпитале на осень 1915 г. было 80 членовредителей, а в 1-м сводном госпитале их пребывало больше 100. Военные власти полагали, что членовредительство можно будет одолеть «на подступах к передовой». Соответственно, в госпиталях был введён строгий режим по отношению к возможным членовредителям и симулянтам: обыски, допросы, постоянный присмотр⁷⁹. Эти меры, однако, не помогали. Врачи столкнулись с целым спектром всевозможных симуляций и членовредительств, разобраться с которыми было сложно из-за отсутствия времени и соответствующих специалистов.

---

⁷⁴ Письма с войны. С. 369, 371, 375, 376, 378, 382, 393, 397–399, 433, 436, 439, 471, 576, 593.

⁷⁵ Цит. по: *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021. С. 65.

⁷⁶ *Розенфельд С.Е.* Гибель. С. 156.

⁷⁷ *Пэلمان К.* Бой на реке Западном Буге летом 1915 года. Пб., 1921. С. 28, 33–34.

⁷⁸ *Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О.* Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. С. 399.

⁷⁹ *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // *Врачебная газета.* 1916. № 9. С. 131–132.

На фронте возможности членовредительства расширились. Так, широкое распространение получила практика самозаражения венерическими болезнями: было известно, что даже гонореею полагалось лечить в тылу. Но особую тревогу вызывали случаи самострелов, именуемых «пальчиками». А в декабре 1914 г. писали о «значительном числе слабых волею, измалодушнившихся» солдат, наносящих себе ранения в руку⁸⁰.

По некоторым данным «палечники» составляли от 50 до 80 % всех ранений. Власти пытались ужесточить наказание: виновные могли быть лишены всех прав состояния и подвергнуты смертной казни. Случалось, что самострельщиков расстреливали перед строем⁸¹. Но доказать самострел, исходя из презумпции невиновности, было непросто, к тому же командование, опасаясь вышестоящего начальства и голоса общественности, просто не решалось предавать военно-полевому суду тысячи солдат. В связи с этим военачальники предлагали лишать семьи членовредителей денежных пособий и продовольственных пайков. Однако и эта мера не останавливала симулянтов. Тогда на некоторых фронтах «палечников» стали подлечивать в полевых госпиталях и отправлять в строй. Но подобные распоряжения вызывали недовольство командиров: покалеченные подчас не годились даже для нестроевой службы⁸².

Из сочувствия к солдатам некоторые врачи доказывали, что членовредительство – одна из психических эпидемий военного времени. При этом они ссылались на зарубежный опыт: для установления факта членовредительства требовалось создание особых экспертных комиссий в каждом полку, что было непросто. Тем не менее наказания за членовредительство ужесточились. «Ожидает их теперь расстрел. Вот инквизиция. Хотели от смерти уйти, а смерть за ними»⁸³, – отмечал солдат-писарь, вынужденный составлять списки лиц, предаваемых суду.

Не менее серьёзную проблему для воюющей армии составляли добровольные уходы в плен. Солдаты всё чаще именно «уходили», а не «сдавались» в безвыходных ситуациях. И это были отнюдь не перебежчики, а просто люди, либо не находящие смысла в самопожертвовании, либо не желавшие терпеть армейские порядки.

Некоторые поляки сдавались в плен из «идейных» соображений. Так, некий Владек писал своему товарищу, оказавшемуся во Франкфурте, следующее: «... Ты теперь с немцами. Очень тебе в этом завидую... Умно ты сделал, ибо ради кого мы должны проливать кровь? Ради этих воровкацапов? Пусть нам только дадут нашу Польшу... мы их научим... Много товарищей наших сдались немцам и австрийцам, ибо они не дураки кровь

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2154.

⁸¹ Письма с войны. С. 388–389.

⁸² Астахов А.Б. Преступление и право в русской армии. С. 62–63.

⁸³ Дневник военных походов солдата В.А. Мишина // Земство. 1994. № 3. С. 97.

проливать и терять жизнь для кацапа... Я сам теперь подлежу жеребьевке... Я хочу, чтобы меня взяли, и я тоже сдамся в плен...»⁸⁴.

Поначалу военные власти считали, что в плен уходят только евреи и поляки (что косвенно подтверждалось данными о конфессиональном составе лиц, пропавших без вести: согласно секретной сводке о потерях по вероисповедному принципу (оказавшейся, тем не менее, известной лидеру кадетов П.Н. Милокову), наибольший процент пропавших без вести (то есть, предположительно, перебежчиков и дезертиров) составляли католики и иудеи, наименьший – у мусульман⁸⁵). Были предприняты попытки по переводу «этнически ненадежного» контингента на Кавказский фронт. Однако в полном объеме осуществить это не удалось (судя по некоторым данным, на этом фронте оказалось повышенное число этнических немцев: в январе 1915 г. военное ведомство издало приказ о переводе всех немцев-военнослужащих из западных фронтовых частей в тыловые команды на Кавказский фронт. В связи с этим среди военных и населения Закавказья сложилось представление о том, что немцы всячески уклоняются от службы в армии⁸⁶). Когда стало ясно, что бегут к врагу и русские, встал вопрос о формах противодействия этому явлению. Предлагался целый спектр мер: от повышенного внимания к питанию, обмундированию и моральному состоянию нижних чинов до ужесточения наказаний – вплоть до смертной казни. Угрожали также (приказ по 22-му армейскому корпусу от 25 ноября 1914 г.) навсегда оставлять сбежавших за границей, «так как Россия не нуждается в таких сынах...». Предложение о конфискации имущества и ссылке семей сбежавших немцев-колонистов было отвергнуто как светскими, так и военными властями. А.А. Брусилов, однако, настаивал: если факт добровольной сдачи в плен неопровержимо доказан, семьи виновников по окончании войны будут отправлены на поселение в Сибирь как «элемент вредный для государственной и общественной жизни». 9 марта 1915 г. Брусилова поддержал Николай II. Однако эта мера, а также предложение о лишении пайка семей лиц, сбежавших в плен, на практике не применялась. Поскольку правовые меры борьбы с «изменниками» оказывались либо недейственными, либо трудно реализуемыми, фронтовые командиры использовали «свои» приёмы, – в том числе стрельбу по убегавшим. И хотя о такой мере одобрительно отозвался начальник штаба Ставки Н.Н. Янушкевич, некоторые командиры решительно отказались от такого «палачества»⁸⁷.

В целом фронтовая действительность продуцировала самые различные формы уклонения солдат от исполнения воинского долга. Современное право оказалось бессильно перед связанными с войной девиациями,

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 51.

⁸⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2099. Л. 1.

⁸⁶ Чернова-Деке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. С. 128; Исаев М.М. Захолустный фронт // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 508–509.

⁸⁷ Астаиов А.Б. Преступление и право в русской армии. С. 54–58.

которыми столь основательно было отмечено на войне поведение человека «недогражданского» общества.

Тем временем в письмах солдат усиливалась антивоенная тема. Некоторые задавались вопросом: «... Для чего война создана? Для истребления человеческого рода. Кто дал войну? Бог? Нет, не Бог, а хитрые люди». К последним относили правительство и попов. Отмечали случаи критического отношения к войне: «Это самое военное дело старые люди считали каким-то святым делом, но в настоящее время... это не святость, а явно действующий неописанный великий разбой, великое истребление невинных»⁸⁸. Наметился страшноватый по своим последствиям поворот сознания низов.

Война показала, что мобилизационные возможности империи недостаточны. Это было связано как с неповоротливостью бюрократии, изначально настроенной на застойную стабильность, а не на инновационный прогресс, так и с инертностью основной массы населения, столь долго поощрявшейся «отеческой» властью. Положение усугублялось недоразвитостью гражданских начал. Цена этих пороков системы могла быть очень велика.

Список литературы:

1. *Аксенов В.Б.* Иррационализация массового сознания обывателей в 1914 – 1916 гг. как кризис информационной политики земства и государства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 1. С. 4–21.
2. *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. 268 – 281.
3. *Асташов А.Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. 44–52.
4. *Асташов А.Б.* Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 года) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 3. 52–67.
5. *Асташов А.Б.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. С. 118–134.
6. *Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О.* Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза: Изд. ПГУ, 2015. 442 с
7. *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3–43.
8. *Бурский П.Д.* Революция и офицеры. М.: Изд-во преподавателей Московского университета, 1917. 16 с.
9. *Дэвис Ф.* Первая мировая война как испытание для империи: Мусульмане на службе в царской армии // Большая война России: Социальный

---

⁸⁸ *Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О.* Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. С. 392–393.

- порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 41–57.
10. *Исаев М.М.* Захолустный фронт // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 503–570.
  11. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917 – 1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с.
  12. *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России. Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.
  13. *Кудринский Ф.А.* Людские волны. Беженцы // Неман. 1997. № 6. С. 82–87.
  14. *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург [Б/и], 2000. 414 с.
  15. *Постников Н.Д.* Драма в Восточной Пруссии. Судьба 1-й русской армии генерала Ренненкампа. М.: Вече, 2014. 285 с.
  16. *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. СПб.: Библиороссика, 2021. 453 с.
  17. *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М.: ПСТГУ, 2015. 190 с.
  18. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
  19. *Фирсов С.Л.* Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно– и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 19–24.
  20. *Чернова-Деке Т.Н.* Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). (К 190-летию основания немецких колоний). М.: МСНК-пресс, 2008. 178 с.
  21. *Graf D.M.* Military Rule Behind the Russian Front, 1914 – 1917. The Political Ramification // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. IVF 22. 1974. S. 390–411.
  22. *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905 – 1914 // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. P. 228–240.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Д.Ульянова, д. 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

FORGOTTEN REALITIES OF THE FIRST WORLD: FRONT COMMON

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author shows that the trench's life of Russian soldiers was far from newspaper descriptions. Patriotic sentiment was steadily on the wane. The relationship between officers and soldiers remained alienated. The soldiers periodically lacked food and uniforms and suffered from illnesses. Demoralization progressed both among soldiers and officers. In general, front-line reality produced the most diverse forms of evasion by soldiers from the performance of military duty. Looting and robbery intensified, various types of desertion and self-mutilation spread. Modern law has turned out to be powerless in the face of war-related deviations, which so thoroughly marked the behavior of traditional minded persons. In the soldiers' letters pacifist sentiments and an anti-war theme intensified.

Keywords: *World War I, Russian front, soldiers, officers, everyday life, diseases, self-mutilation, mental deviations.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Aksenov V.B., *Irracionalizatsiya massovogo soznaniya obyvatelej v 1914 – 1916 gg. kak krizis informacionnoj politiki zemstva i gosudarstva*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 1, S. 4–21.
- Astashov A.B., *Vojna kak kul'turnyj shok: analiz psihopatologicheskogo sostoyaniya russkoj armii v Pervuyu mirovuyu vojnu*, Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002, M., 2002, S. 268–281.
- Astashov A.B., *Dezertirstvo i bor'ba s nim v carskoj armii v gody Pervoj mirovoj vojny*, Rossijskaya istoriya, 2011, № 4, S. 44–52.
- Astashov A.B., *Prestuplenie i pravo v russkoj armii (1914 – fevral' 1917 goda)*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2012, Vyp. 3, S. 52–67.
- Astashov A.B., *Sestry miloserdiya v gody Pervoj mirovoj vojny: po-vsednevnost' i trud*, Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya», 2020, S. 118–134.
- Belousov S.V., Suhova O.A., Yudin S.O., *Penzenskaya guberniya v epohu Pervoj mirovoj vojny*, Penza, Izd. PGU, 2015. – 442 s
- Berkevich A.B., *Krest'yanstvo i vseobshchaya mobilizatsiya v iyule 1914 g.*, Istoricheskie zapiski, 1947, T. 23, S. 3–43.

- Devis F., *Pervaya mirovaya vojna kak ispytanie dlya imperii: Musul'-mane na sluzhbe v carskoj armii*, Bol'shaya vojna Rossii: Social'nyj poryadok, publichnaya kommunikaciya i nasilie na rubezhe carskoj i sovetskoj epoch, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, S. 41–57.
- Kavtaradze A.G., *Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov. 1917–1920 gg.*, M., Nauka, 1988. – 276 s.
- Kolonickij B.I., *Obraz sestry miloserdiya v rossijskoj kul'ture epohi Pervoj mirovoj vojny*, Bol'shaya vojna Rossii. Social'nyj poryadok, publichnaya kommunikaciya i nasilie na rubezhe carskoj i sovetskoj epoch, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, S. 100–126.
- Kravkov V.P., *Velikaya vojna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha*, M., Veche, 2016. – 414 s.
- Kudrinskij F.A., *Lyudskie volny. Bezhency*, Nyoman, 1997, № 6, S. 82–87.
- Porshneva O.S., *Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, soldat i krest'yan Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 – mart 1918 g.)*, Ekaterinburg [B/i], 2000. – 414 s.
- Postnikov N.D., *Drama v Vostochnoj Prussii. Sud'ba 1-j russkoj armii generala Rennenkampfa*, M., Veche, 2014. – 285 s.
- Raupah fon R.R. *Facies Hippocratica (Lik umirayushchego)*. SPb.: Aletejya, 2007. 414 s.
- Sanborn Dzh., *Velikaya vojna i dekolonizaciya Rossijskoj imperii*, SPb., Bibliorossika, 2021. – 453 s.
- Sribnaya A.V., *Sestry miloserdiya v gody Pervoj mirovoj vojny*, M., PSTGU, 2015. – 190 s.
- Suhova O.A., *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya. Oчерki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (koniec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya*, M., ROSSPEN, 2008. – 677 s.
- Firsov S.L., *Voенное duhovenstvo Rossii (K voprosu o material'nom polozenii svyashchenno– i cerkovnosluzhitelej russkoj armii i flota poslednej chetverti XIX – nachala XX stoletij)*, Novyj chasovoj, 1994, № 2, S. 19–24.
- Chernova-Dyoke T.N., *Nemeckie poseleniya na periferii Rossijskoj Imperii. Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletie (1818–1917). (K 190-letiyu osnovaniya nemeckih kolonij)*, M., MSNK-press, 2008. – 178 s.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022 г.

Подписана в печать 15.12.2022 г.